

ПИСЬМО ДРУЗЬЯМ

В последний год я все чаще и чаще получаю письма от своих читателей, которые по нашей давней российской традиции надеются услышать от писателя ответ на мучающие их вопросы: куда мы идем? откуда этот хаос? откуда националистическая ярость? что делается в моей Абхазии? что даст разьединение народов?

Я сам мучаюсь этими вопросами и знаю, что однозначного ответа нет. Однако попробуем разобраться и, может быть, придем к какому-нибудь выводу.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Что надо человеку? Ему нужна крыша над головой, то есть приличное жилье. Ему нужна опрятная старость родителей и ему нужен беспечный смех собственных здоровых детей.

Когда эти два фланга начинающейся жизни его детей и кончающейся жизни его родителей в достойном состоянии, зрелый человек может жить и работать с полной отдачей сил. Но и это не все. Нормальному человеку присуще желание понятия состояние окружающего мира, и прежде всего собственной Родины. Это есть гражданское, патриотическое чувство. И здесь, если перед нами нравственно здоровый человек, даже будь он не слишком грамотен, он изо всех сил пытается понять, куда идет его Родина — к добру и процветанию или к хаосу и разрушению.

Перестройка, то есть возвращение к жизни нормального правового государства, не только была необходима, но она трагически запоздала. Хотя, я верю, шанс еще есть. Насколько запоздала перестройка? Отнимите от даты начала перестройки дату смерти Сталина, и вы узнаете, насколько она запоздала.

Лет двадцать назад, когда закрывали «Новый мир» Твардовского, я дал телеграмму на имя Косыгина. Я писал, что журнал закрывают за то, что он мыслит. Я писал, что не всякая критика — мысль, но всякая мысль — критика. Общественная мысль не может существовать вне критического контекста.

То, что я послал телеграмму на имя Косыгина,

означало, что надоело подписывать письма, обращенные в ЦК. Там на такого рода письма или не реагировали, или заставляли замолкать, оказывая экономическое давление.

Однако вызвали меня все-таки в ЦК, а не в канцелярию Косыгина. Товарищ, который, кстати, вполне доброжелательно со мной спорил, утверждал, что все дело в том, что я не знаю статей по сельскому хозяйству, которые пытались печатать в «Новом мире», но цензура их останавливала. Мол, если бы я знал эти статьи, не стал бы посылать такой телеграммы. Я отвечал ему уже с полным знанием дела, что наше сельское хозяйство в катастрофическом состоянии. Он в ответ разъяснил мне, что партия об этом прекрасно знает и в самое ближайшее время будут приняты самые надлежащие меры.

Один из двух мирных способов спора аппарата с критикой. Первый способ: вы поете с чужого враждебного голоса. И второй, еще более мирный способ: да, вы правы, но опоздали. Партия обо всем этом хорошо знает и вот-вот все исправит.

К чему я сейчас это вспоминаю? Я абсолютно уверен, что в самый первый год перестройки было совершенно необходимо и вполне возможно издать закон о раскрепощении крестьян. И будущих фермеров, и тех, что остаются в колхозе. Когда спасают тонущего, не собирают данные о

(Окончание на 3-й стр.)

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

собственным здоровье и моральное обилие тонущего. Тонущего надо спасать сразу, а мы уже тогда были в состоянии тонущей страны.

Принципиально и навсегда этот вопрос можно было решить сразу, а те или иные уточнения вносить по ходу дела. Болтовня о том, что вопрос этот слишком сложный, что его надо очень долго продумывать, — очередная уловка аппарата для того, чтобы сохранить свою власть над людьми.

Рассказывая анекдоты о глупости великих аппаратчиков (если б они не соответствовали правде, анекдоты не были бы смешны), мы забываем, что аппарат при этом необычайно хитер и коварен. Точно так же мы в глупом человеке не подозреваем возможности огромной хитрости и часто становимся жертвой ее.

Каждый ум приспособливается к жизни доступными ему средствами. Слабый ум развивает в себе возможности хитрости, и чем он слабее, тем сильнее хитрость. Простодушный дурак — явление редкое, и именно потому люди издавна кивают на него: вон дурак идет. Можно подумать, что кругом одни умные.

Само собой разумеется, что есть умные аппаратчики, но они или скрывают свой ум, и он в конце концов усыхает, или деформируют его в хитрость. В тоталитарном государстве умный аппаратчик живет в состоянии шизофренически разорванного сознания. Он никак не может соединить обидчивость генеральной линии с иронией жизни. Он постоянно насторожен, опасаясь перепутать места, где можно быть умным, а где нельзя.

В ЭТОЙ связи мне вдруг вспомнилось знаменитое «Завещание Ленина». В нем есть одна особенность, кажется, еще не замеченная никем. Ленин, давая характеристики вождям, говорит об их положительных и отрицательных качествах.

Странно, что, давая характеристику Сталину, он пишет только о его отрицательных чертах. В то же время из самого контекста безусловно следует, что есть и положительные свойства.

С одной стороны, положительные свойства явно есть, иначе чего бы так церемониться с ним, а с другой стороны, называть их как-то неловко, что ли... Странно, есть над чем подумать историкам. Не менее странно и определения отрицательных свойств: груб, капризен. Что-то в этих определениях есть гимназическое. Вероятно, имелось в виду: деспотичен, вероломен... А как он, бедняга, перепрыгивал «Завещание» из рук, кажется, одной шпионки Сталина в руки другой. А ведь лучший способ сохранить рукопись — это напечатать ее, тем более в свободной социалистической прессе. Ах, да! Сам же закрыл... Да, аппарат. Он уже был готов. Готов вообще и готов на все.

В наше время, пожалуй, самой страшной уловкой аппарата является манипулирование национализмом, великой человеческой слабостью.

Национализм гнездится в глубинах человеческого сознания и внезапно вспыхивает с яростной силой. Я уже как-то писал об этом атавистическом племенном сознании. Приходится признать, что мы еще недостаточно люди, чтобы видеть в другом человеке, плохом или хорошим, абсолютную личностную ответственность за себя.

Если нас обидел человек другой национальности, нас так и тянет утолить обиду, выдав низость обидчика за коренное свойство его народа: известное дело — рабы, известное дело — мошенники, известное дело — конокрады.

Хотя, казалось бы, такое обобщение снижает или даже снимает личную ответственность человека, обидевшего нас, однако такое обобщение почему-то утоляет наше племенное чувство. Надо признать, что мода на одежду в истории человечества все еще гораздо короче моды на шкуры. Впрочем, и мода на шкуры сохранилась.

Но почему именно двадцатый век, век грандиозных научных успехов, стал и веком страшного национализма? Я думаю, по той же причине, по которой двадцатый век стал веком тоталитарных режимов.

По мере развития цивилизации огромное количество полуграмотных людей приобщилось к политической жизни. В двадцатом веке это количество действительно перешло в качество. Масса людей, потерявших основы тысячелетней народной этики и не усвоивших общекультурную этику, почувствовали возможность влиять на политику, а если повезет, и высочить в правящую элиту. На плечах этой новой черни и могли подняться такие деятели, как Сталин, Гитлер, Муссолини.

Люди, когда-то говорившие о вреде всеобщего образования, были не так уж глупы, хотя выглядели реакционерами. Я думаю, лучшие из них, по крайней мере, были озабочены не своими эгоистическими интересами, а пониманием достаточно долгого и опасного межумочного состояния огромного количества людей, оторванных от народной этики и не усвоивших общечеловеческую.

В наше время пропаганда вообще и пропаганда прогресса в особенности порождает в человеке чувство дурного историзма, чувство быстро меняющегося мира. Отсюда: неустойчивость, взвинченность, азарт. Поспеть! Поспеть! Поспеть! Не поспеешь за прогрессом, хоть поспеешь к прогрессу.

В условиях высокопроизводительной пропаганды и непроизводительной жизни этот бег на месте в течение семидесяти лет породил в людях чувство обделенности, чувство украденной судьбы.

Как утешительно думать, что какие-то знаменитые люди, живущие между нами, мутят и мутят нашу жизнь. И уже размножается микроб национализма: надо во что бы то ни стало выделить этих людей, но по какому-то признаку, чтобы не ошибиться? Нация! Вот признак, по которому не ошибешься. В разных концах страны разные мальчики для битья.

Национализм в человеке оскорбителен, даже если он никак не задевает ни лично тебя, ни

твой народ. Дело в том, что всякий нормально мыслящий человек, даже не задумываясь об этом, всегда исходит из того, что истина универсальна. Мысль не стоила бы того, чтобы мыслить, если бы она не была общечеловечна.

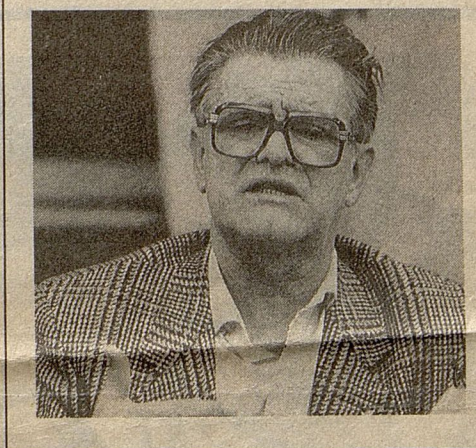
Именно поэтому национализм нелеп, как геометрия для блондинов. При этом, продолжая образ, можно сказать, что если ты блондин и критикуешь блондина, долженствующего знать геометрию, он отвечает тебе, что геометрия вообще не вашего ума дело, это наука для блондинов. Но национализм так же выгоден и брюнету, долженствующему знать геометрию и не знающему ее, ибо он в этом случае отвечает, что для нас это вообще не наука. На определенном этапе взаимонеприятия националистами двух наций друг друга взаимовыгодно. Каждому есть куда сбросить шлак отрицательных эмоций.

ХОТЯ всякий национализм омерзителен, можно выделить два вида национализма: наивный и идейный.

Наивный национализм свойствен людям малограмотным и одновременно глупым. Такой человек искренне уверен, что его народ превосходит соседний народ. Например, он чувствует удивительную точность пословицы своего народа. Он чувствует ее уникальность. По приметам быта этой пословицы он понимает, что такой пословицы у соседнего народа не может быть. Значит, мы выше.

Фазиль ИСКАНДЕР:

Письмо друзьям

Но, плохо зная жизнь соседнего народа, он не понимает, что там своя жизнь, свой быт и своя уникальная пословица. И так во всем. Наивный националист воспринимает жизнь своего народа как более уточненную и духовно богатую.

Можно представить такой разговор в яранге какого-нибудь северного народа. Попыхивая трубками, два умудренных жизненным опытом рыбака разговаривают.

— Я слышал, — говорит один, — что есть такой большой народ немца. Он никогда не пробовал свежей тюленины.

— Бедная немца, — отвечает второй, одновременно жалея немцев и чувствуя свое гастрономическое превосходство над ними.

Идейный националист — это прирожденный человеконенавистник и честолюбец. Честолюбие может быть следствием человеконенавистничества. Отдав ненависти все свои силы и душевную энергию, он может мечтать о славе как о справедливом вознаграждении.

Ни один природный человеконенавистник не признается самому себе, что он человеконенавистник вообще. Для этого требуется огромная философская смелость.

Человеконенавистник подсознательно сосредоточивает свою ненависть к другой нации или расе, если она рядом. Или к другому классу, но тогда это революционный человеконенавистник. Технология ненависти одна и та же, но мы сейчас говорим о националистах. Человеконенавистник потому и человеконенавистник, что, как бы он ни сосредоточивал свою ненависть к другой нации, он не может удержаться от всплеска ненависти к соплеменникам. И тогда он эти всплески объясняет тем, что эти соплеменники якобы тайные прислужники врагов его народа. Так и революционные человеконенавистники, уже победив, стали набрасываться друг на друга, объясняя это тем, что они имеют дело с тайными врагами победившего класса.

Небольшие, неопасные дозы национального предубеждения, подобно разговору о бедных немцах, не провалявшихся свежей тюленины, живут в любом народе. Но когда в обществе созревает критическая ситуация, идейные националисты легко могут поднять этих людей на кровавые необузданные действия.

Но почему же это все началось у нас во время перестройки?

Образовалась кризисная ситуация, когда деспотическое государство отказалось от деспотической формы правления, но не выработало демократических структур правления, люди почувствовали вакуум беззакония и ринулись в него: не поспеешь за прогрессом, хоть поспеешь к прогрессу.

На практике получилось, что государство откажилось от собственной деспотии в пользу деспотии толпы. Какими бы благородными замыслами ни вдохновлялись поборники нашей демократии, похоже, что аппарат (или часть аппарата) тихо перехватил инициативу и отдал власть во многих местах страны озверевшей толпе. Для чего? Для того, чтобы окровавленный, сломленный народ приполз к его ногам: «Правь по-старому! Лучше беззаконие от государства, чем беззаконие улицы!»

Сумгаитские погромы и застенчивый суд над погромщиками полностью это доказывают. Цепная реакция не замедлила сказаться: Средняя Азия, Абхазия, Баку.

ОСТАНОВЛЮСЬ подробнее на абхазских делах, о которых, естественно, знаю лучше всего. Во второй половине девятнадцатого века Абхазия пережила великую национальную трагедию «амхаджирство», то есть насильственное переселение в Турцию. Судя по всему, в тогдашней Абхазии все еще оставались последние очаги сопротивления царизму.

Абхазия была краем, хотя и разделенным морем, но приграничным с Турцией, в те времена традиционно враждебной России. Так же как и Россия в те времена была традиционно враждебна Турции.

Власти предложили абхазцам или переселиться в кубанские степи, или покинуть пределы Рос-

сийской империи. Примерно три четверти абхазцев и все убыхи (одно из абхазских племен, живших западнее Абхазии) покинули родину и уехали в Турцию. Многие оттуда разбрелись по всему Ближнему Востоку.

Конечно, главным виновником этой трагедии является царское правительство, но тут, я думаю, совиновниками являются и абхазские князья, которые обязаны были проявить гуманистическую гибкость и найти, подчиняясь ходу истории, общий язык с царской властью ради сохранения своего народа.

Однако этого не случилось, Абхазия опустела. Так писали в те времена тифлиские газеты. В частности, генерал Лазарев гадал, кем заселить опустевшие земли Абхазии: мингрельцами или русскими, чтобы они положительно действовали на оставшихся виновников «виновного народа». Тогда была такая формула. Кстати, позже Николай Второй снял с абхазцев этот странный выговор — за неучастие абхазцев в волнениях 1905 года.

После революции судьба абхазского народа в принципе ничем не отличалась от судеб остальных народов, но во второй половине 30-х годов бережеская администрация начала усиленно грузинизировать Абхазию.

Все это происходило на глазах моего поколения, и я все это видел своими глазами. Все — от насильственного переселения грузинских крестьян в Абхазию (они, бедняги, пытались бежать, но милиция водворяла их на отведенные участки) до закрытия абхазских школ в 1945 и 1946 годах.

Чтобы сегодняшняя молодежь почувствовала атмосферу тех лет, расскажу такой случай. Я гостил в Очамчири у своей двоюродной сестры, у которой муж грузин. Таких браков в Абхазии много, и это делает особенно драматичной судьбу этих семей. Так вот, на вокзал меня провожал ее десятилетний сын. Когда мы стали приближаться к вокзалу, он явно заволновался и обратился ко мне:

— Не надо говорить по-абхазски. Давай говорить по-русски.

— Почему, Гиви?

— Дети надо мной будут смеяться.

Пораженный, что в Очамчири дело зашло так далеко, я рассказал об этом случае своей деревенской тетюшке. Во время моего рассказа она вдруг стала смеяться и кивать головой.

— Чего ты смеешься? — спросил я.

— Да как же мне не смеяться, — говорит она, — он меня тоже провожал на вокзал и сказал то же самое. А я ему говорю: на каком же языке я буду с тобой разговаривать, я никакого другого языка не знаю.

Об этом я пишу не для того, чтобы сентиментальничать, а для того, чтобы раз и навсегда сказать это для тех, кто не знает, что было.

Разумеется, в те годы удручающая атмосфера была везде, однако в Абхазии она была дополнительно удручающе по национальному признаку. Но я всегда говорил и повторяю: нельзя путать действия администрации с народом, который она якобы представляет, хотя ничего общего с ним не имеет.

После смерти Сталина и расстрела Берии абхазские школы были открыты и кое-какие кадры интеллигенции вывели из просторов нашей необъятной страны. Рана, нанесенная жестокими событиями тех лет, стала затягиваться.

Кстати, с год назад я получил открытое письмо от одного из лидеров современной Грузии, где он напоминает мне о том, что я говорил корреспонденту «Шпигель». А говорил я о закрытии абхазских школ бережеской администрацией. Автор письма удивлен и возмущен этим моим утверждением, ибо, по его мнению, никаких абхаз-

ских школ тогда не было и поэтому нечего было закрывать. Но еще живы тысячи абхазцев, учившихся в этих школах. Может, стоит у них спросить?

Если один из лидеров современной (демократической?) Грузии ничего действительно не знает об этом, то что можно требовать от молодежи, которая слушает телепередачи и читает десятки статей, лишенных всякой объективности и подхлестывающих национальные чувства.

ДА, РАНА начала затягиваться, но тут, уже не помню в каком году, это было при Хрущеве, появляется книга историка Ингоркова, доказывающая, что абхазцы появились в Абхазии всего триста лет назад. Помню, как взбурлила вся Абхазия. Казалось бы, что простым людям до фантазии какого-то историка? Но народ слишком хорошо помнил, что было совсем недавно, и не без основания воспринял эту книгу как продолжение той же политики.

К сожалению, в связи с последними кровавыми столкновениями в Абхазии некоторые грузинские публицисты повторяют эту глупость, противоречащую прежде всего исследованиям самих грузинских историков, когда они еще свободно могли излагать свои взгляды.

Мол, триста лет назад (иногда двести) мы приютили абхазцев, переваливших через Кавказский хребет и как бы вывалившихся на братски протянутые руки. А они, мол, нам отвечают черной неблагодарностью.

Зачем обманывать молодежь? История Абхазии и Грузии то сплеталась, то расплеталась — это обыкновенная история всех соседних народов мира. Абхазцы, как и грузины, с незапамятных времен живут на своей земле.

Когда-то было абхазское царство, потом, при царице Тамаре, оно входило в Грузию. Царица Тамара своего сына Георгия Четвертого назвала Лаша, то есть по-абхазски Светлый. По дошедшим до нас легендам, она любила отдыхать в Абхазии и лечилась, может быть, от бездетности на наших водах. Если абхазцы только через пятьсот лет после царицы Тамары вывалились из-за Кавказского хребта на братски протянутые руки, то как она догадалась, что это должно случиться, и как узнала, что по-абхазски Лаша — это Светлый?

Конечно, дело обстоит гораздо проще. Царица Тамара, бывая в Абхазии, была окружена абхазской речью, той самой речью, на которой мы сегодня говорим. И, видно, речь эта ей по какой-то причине нравилась, и она так назвала своего сына.

Прямо-таки не знаешь, как быть. Историк Ингоркова не ведал о происхождении имени сына царицы Тамары, а один из крупнейших современных политических деятелей Грузии не знает, что в 1945 году были закрыты абхазские школы.

Сегодня в Абхазии многие, слишком многие, считают, что дело зашло далеко, надо отделяться. Конечно, такой вопрос может решить только все население Абхазии, но я так не думаю. При сегодняшнем накале страстей Абхазия может превратиться в новый Карабах. И тогда конец едва дымящемуся очагу мирной жизни.

Можно и должно добиваться практической самостоятельности и в рамках автономии, если ее наполнять живым содержанием, если гибкую, сильную волю к добру проявить с обеих сторон.

Надо создать новую психологическую атмосферу, надо создавать новые демократические структуры управления, дожидаться их работы, и тогда сама жизнь покажет, что делать дальше.

А сегодня, пока не поздно, надо проявить взаимное благородство, отбросить старые обиды и начать жизнь с чистого листа. Все народы на протяжении долгих лет истории наносили друг другу обиды, но потом находили силы забыть их. Только безумные честолюбцы и преступники жаждут вражды. Первые хотят прославиться, а вторые надеются, что за общей свалкой забудут об их преступлениях.

Надо обратиться к спасительному народному юмору, который всегда помогал выкарабкиваться из самых мрачных пропастей. Надо не поддаваться индюшачьей серьезности и бабьей истерике националистов, надо, наоборот, высмеивать ее.

Трезво оглядевшись, мы со всей очевидностью поймем, что делить нам нечего. Основа нашего всеобщего неблагополучия — отсутствие нормальной государственности, которая озлобляет и унижает людей, а озлобленные люди легко создают образ национального врага.

Демократия — это выход из царства произвола людей в царство закона. Как только люди почувствуют, что законы их надежно защищают, а нормальная экономическая жизнь выявляет истинную цену каждого человека, произойдет здоровая переориентация духа, и человек отгнется на собственное националистическое воспитание, как на кошмарный сон. Люди перестанут сбиваться в толпу и поймут, что успех каждого человека — в его личных усилиях и личных резервах. И надо уже сегодня, сейчас терпеливо и упорно по кускам складывать эту демократию. Не оглядываясь на центр, который вечно запаздывает. Но об этом я еще скажу.

Чем меньше народ, тем большая ответственность за его судьбу ложится на каждого интеллигентного представителя народа. Каждый народ, даже самый маленький, — неповторимый узор на ковре человечества. Поэтому малость народа не должна порождать никаких комплексов. Наоборот, из самой малости народа вытекает predisposition к развитию собственной личности и личной ответственности.

Я хотел бы, чтобы наша молодежь подумала над этим. Я бы хотел, чтобы она поменьше митинговала и побольше занималась саморазвитием, дабы стать настоящими мастерами своего дела, завтрашними умными хозяевами своей земли. В этом и только в этом я вижу истинный патриотизм.

(Окончание следует).